

регулярно отмечаются во взаимодействии, когда в качестве производящих полисемичного КСС выступают и ЛСВ слова, и его дериваты.

Н. Н. Скворцова (Минск, Беларусь)

**ТРАНСПОЗИЦИЯ ИНДИКАТИВА «НАСТОЯЩЕЕ → БУДУЩЕЕ»:
ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ТИПОВЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ
СИТУАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

*Перенос из настоящего в будущее вполне
объясним: то, что мыслится в настоящем,
может вполне естественно переместиться
на территорию будущего.*

К. А. Тимофеев

Языковой механизм транспозиции, проявляющийся как на лексическом, так и на морфологическом и синтаксическом уровнях, позволяет увидеть особенности функционального переноса индикатива, в частности форм настоящего времени.

Необходимо отметить, что транспозиция наклонения в русском языке – явление, которому отводится определенное место в грамматической теории и которое со времени упоминания о нем М. В. Ломоносовым не вызывало каких-либо лингвистических разночтений. В описательных грамматиках русского языка (академической и вузовских) внимание акцентируется, как правило, не только на видоизменении грамматической семантики глагольных форм, но и на экспрессивно-стилистических возможностях переносного употребления форм времени. Однако модификация или утрата категориального значения при транспозиции форм изъявительного наклонения – вопрос, требующий уточнения, и в первую очередь в отношении переноса «настоящее → будущее».

Грамматистами разделяется мнение о том, что при переносном употреблении категориальное значение форм времени не утрачивается, хотя и претерпевает под воздействием контекста определенные изменения. К примеру, настоящее время в глагольных формах в предложениях типа *Иду я вчера по улице и вижу...* остается, фигурально выражаясь, настоящим: категориальное значение самой глагольной формы реализуется как образное, без перехода в категориальное прошедшее, т. е. в предшествование по отношению к грамматической точке отсчета.

Применительно к обозначению формами настоящего времени будущих действий это в целом тоже верно (принято считать, что категориальное значение и в этом случае сохраняется), и всё же изменение временной семантики глагольных форм имеет

особенности. Они связаны с наличием двух разновидностей настоящего времени при обозначении будущих действий – настоящего воображаемого (будущего) действия и настоящего намеченного действия. Характер транспозиции в этих двух направлениях неоднозначен. Если в первом случае наблюдается лишь образное представление будущих действий посредством форм настоящего времени, то во втором языковой механизм транспозиции имеет более сложный характер. Так, в условиях ослабления противопоставления двух временных планов – настоящего и будущего за счет семантического компонента ‘уверенность в осуществлении действия, обязательность его совершения’ – наблюдается не метафорическая передача актуализируемых действий как стилистический прием, а именно приобретение (выражение) значения будущего времени. Сравним: *Я вообразил, как сдаю директору проект и смету* vs. *Решено: завтра сдаю директору проект и смету*. Сравним также: *Я представил: еду поездом трое суток* vs. *Так и быть, решил: еду поездом трое суток*.

К слову, лингвистическое описание транспозиции индикатива (в частности, в направлении «настоящее → будущее») отличается от лингводидактического (в грамматике русского языка как иностранного) при имеющихся точках пересечения. В силу того что второй тип описания непосредственно связан с задачами обучения иноязычному общению, актуальным становится коммуникативный смысл формы настоящего времени в несвойственных ей контекстах, а также связи между грамматической формой настоящего времени и лексической семантикой глагола, с одной стороны, и темпоральными и видовыми характеристиками, с другой. При этом употребление формы настоящего времени для обозначения воображаемых действий из лингводидактического описания исключается, однако обращается внимание на различие между формой будущего времени и формой настоящего времени, обозначающей будущее действие, а также на сближение форм (временная нейтрализация) и роль контекста.

При переносном употреблении форм времени контекст несет на себе важнейшую нагрузку. Неслучайно транспозицию настоящего в будущее К. А. Тимофеев именуется контекстуальной, поскольку соотносительность временных планов определяется или ситуацией, или контекстом (речевым обрамлением форм настоящего времени в таком случае выступают слова в синтаксической функции обстоятельства времени: *завтра, через два дня, N-го числа* и т. п.). Иными словами, именно контекст берет на себя функцию обозначения времени совершения действия.

В обобщенном плане коммуникативные ситуации переносного употребления форм настоящего времени для обозначения будущих невоображаемых действий объединяются в четыре типа. В первом типе цель высказываний – подчеркнуть твердую решимость

совершить действие (*Всё, я (твердо, однозначно и т. п.) решил: **покупаю** новую машину*); во втором – узнать о намерениях собеседника в отношении совершения/несовершения того или иного действия или сообщить о своих намерениях (*Вы **едете** или **остаётесь**?*); в третьем – сообщить о действии как о неотвратимом, обязательном (*На следующей неделе родители **возвращаются** из командировки*); в четвертом – узнать об обстоятельствах решенного, запланированного действия или сообщить о них (*Где (как и т. п.) вы **встречаете** Новый год?*).

В аспекте преподавания русского языка как иностранного вышеперечисленные типы, иллюстрирующие рассматриваемую транспозицию, подлежат обязательному практическому усвоению иностранными студентами филологических специальностей, что вполне закономерно: для филолога русский язык – объект профессиональной деятельности. На воспитание у инофонов аналитического отношения к изучаемому грамматическому явлению и обеспечение сознательного владения языковым материалом нацелены соответствующие комплексы упражнений. Задания к этим упражнениям ориентированы не только на наблюдение и анализ использования в речи изучаемой грамматической формы (на уровне отдельных предложений, диалогических единств, текстов), но и на активное действие с языковым материалом исходя из типовой коммуникативной ситуации. Например, в таких коммуникативно ориентированных заданиях кратко описывается конкретная ситуация заданного типа и требуется, используя изучаемую грамматическую форму, расспросить собеседника о его намерениях: «*Ваши знакомые сняли квартиру. Вас интересует, когда они собираются переехать туда (заселиться)*». В заданиях к упражнениям на наблюдение целесообразно не только и не столько формулировать значение и предлагать найти средство его выражения, сколько подводить инофонов к самостоятельному выводу о семантике и условиях употребления заданной грамматической формы (в нашем случае формы настоящего времени).

Условия функционирования, коммуникативные цели говорящего, лексико-семантические группы глаголов и употребительность тех или иных глагольных лексем, видовая отнесенность глагольной формы времени – это далеко не полный перечень факторов, определяющих специфику переносного употребления индикатива, в частности форм настоящего времени. Внимание ко всем перечисленным факторам при формировании у инофонов соответствующих грамматических навыков облегчает задачу практического усвоения данного языкового материала.

Разница в семантике переносно употребляемых форм настоящего времени для обозначения будущих действий отражает специфичность и сложность грамматической транспозиции как языкового явления и обуславливает внимание к различным аспектам ее

изучения (семантический/когнитивный, стилистический/прагматический, морфолого-синтаксический/структурный) в их взаимных связях и отношениях.

О. И. Степанова (Минск, Беларусь)

НОЗОЛОГИЧЕСКИЕ НЕТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Нозологические нетерминологические наименования – это слова или словосочетания, которые называют определенные заболевания, но не являются при этом терминами. Например, *земляная чесотка* ‘анкилостомидоз’, *водная лихорадка* ‘лептоспироз желтушно-геморрагический’, *градина* ‘халазион’, *пучеглазие* ‘экзофтальм’, *заячий глаз* ‘лагофтальм’, *простуда* ‘ОРВИ’/‘ОРЗ’ и др. Корпус анализируемого нами материала составляет 1000 номинативных единиц.

Согласно этимологическим словарям, большинство функционирующих в русском языке нетерминологических названий болезней представляют собой исконно русские номинации. Например, *оспа* ‘натуральная оспа’ (ср. укр. віспа, блр. воспа, восыпа, болг. оспа ‘сыпь’, словен. ospice мн. ‘корь’, польск. ospa, с.-хорв. оспа, в.-луж. wospica, н.-луж. wospica ‘корь’), *перхоть* ‘кожное заболевание, шелушение кожи головы’ (ср. блр. перхаць, болг. пърхот, пърхут, с.-хорв. прхут, словен. rhut), *свороб* ‘чесотка’ (ср. др.-русс. своробъ, ст.-слав. сврабъ, блр. сверб, свярбота, укр. сверб ‘зуд’, польск. swierzb, с.-хорв. свраб, словен. svrab, чеш. svrab, словц. svrab), *короста* ‘чесотка’ (ср. польск. krosta ‘сыпь’, диал. chrosta, мн. krosty: chrosty ‘оспа’, чеш. диал. и стар. chrasta, chrasty ‘парша, короста, чесотка’, словц. chrasta, диал. krasty, с.-хорв. краста ‘короста, струп’, ‘кора, корка’, словен. krasta ‘струп’, kraste ‘парша’, болг. krasta ‘чесотка, струп’), *лишай* ‘накожная болезнь, род местной сыпи с резким очертанием’ (ср. укр. лишай, болг. лишай, лишей, чеш. lisej, словц. lisaj, польск. liszaj, в.-луж. lisawa, н.-луж. lisawa), *шелуди* ‘фавус’ (ср. блр. шолудзі мн. ‘струпья на голове, парши’, укр. шолуді мн. ‘парши, струпья’), *золотуха* ‘туберкулез лимфатических желез’ (ср. блр. залатуха, укр. золотуха) и др.

Заимствования в корпусе нетерминологических нозологических наименований встречаются крайне редко. Возможные причины появления заимствований: фиксация слова в речи обрусевшего двуязычного населения (*курченьга* ‘чесотка’ – данная номинация была отмечена на территории проживания тюркоязычного народа) либо появление болезни, ранее неизвестной на этой территории, однако получившей распространение в другом месте. Примеры заимствований: *роза* (от польск. roza ‘роза’), *шадра* ‘натуральная оспа’, ‘рябизна, оспинки’ (обычно возводится к татарскому sadra ‘рябой’), *парша* ‘фавус’ (от польск. parch,